АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН
ЧЕРНЫЙ ЧЕМОДАН
ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Анатолий Галкин

Черный чемодан

Серия «Еще не вечер»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2158205

Аннотация

Это почти классический детектив… Дачная соседка поведала Игорю Савенкову тайну – у нее хранится чемодан с музейными ценностями, которые в 1945 году ее отец привез из разбитого Берлина. Ей кажется, что за сокровищами началась охота.

Через три дня старушку убивают!.. Для Савенкова, как для шефа детективного агентства «Сова», раскрытие этого преступления становится делом чести.

Подозреваемых лиц очень много – и племянник старушки, и его напарник, и сосед, и редактор, и продавщица. На каждого из них появляются все новые и новые улики. Против всех и каждого!.. Действие развивается стремительно! Свидетели прячутся, невиновный журналист попадает в тюрьму, а на квартире старушки совершается новое убийство. И всё это на глазах у сотрудника «Совы» Крылова.

После очередного трупа Савенков решает вызвать огонь на себя и устроить ловушку всем охотникам за чемоданом… В мышеловку попадают все, кроме одного!..

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Анатолий Михайлович Галкин
Черный чемодан

Глава 1

Дима Назаров боготворил журналистику. Он не знал других профессий, где можно было за один день стать знаменитым. Одна статья – и утром о тебе говорят все, у тебя берут интервью, за тобой гоняются издательства.

Надо только найти тему и нужные слова – яркие, хлесткие, щекочущие нервы. А для этого нужен азарт, порыв, злость…

Дима очень не любил, когда кто-то наблюдал, как он разжигает в себе вдохновение. Он даже запирался от жены…

Неделю назад редактор дал ему убойное задание. Тему он сформулировал примерно так: «О возврате культурных ценностей… Война – всегда грабеж! Но победитель имеет такое право. Римляне ограбили греков. Австрийцы итальянцев. Французы египтян. Англичане, так те вообще со всего мира понатаскали… Но немцам-то от нас чего-то требовать? Это идиотизм и полное бесстыдство. Хрен им на постном масле, а не их ценности! Пусть сначала Янтарную комнату вернут…»

За три дня сидения в библиотеке он собрал достаточно материалов для статьи. Оказалось, что многие города и их музеи просто завалены сокровищами, которые вывозились когда-то из побежденных стран. И почти никто не пытался забрать все это назад у тех, кто силен и богат. А нас, как только мы ослабели, стали щипать со всех сторон…

Прежде чем сесть за стол, Назаров стал ходить по комнате, размахивать руками и распалять себя. Он ждал, когда к нему начнут приходить нужные слова и сами выстраиваться в броские, язвительные фразы. Но в голове крутилось лишь одно: «Кукиш вам, а не ваши ценности!»

Через некоторое время Дима сел за стол без малейшего желания писать. Вдохновение не пришло… Он печально посмотрел на большой конверт лежавший поверх вороха бумаг. Вскрывать его и перебирать бумаги, что были внутри, не хотелось. Времени не было. Да и что мог оставить ему этот хмурый старик? Вырезки из фронтовых газет, грамоты с профилем Сталина, наставления для молодого поколения?

Написание статьи затормозила внезапная смерть деда жены… Виктор Петрович был, конечно, нормальный старикан. Суровый, но не злой.

Дмитрию даже казалось, что дед его любит. Особенно, когда пришлось бросить бизнес и уйти в журналистику. Старики уважают представителей прессы. А все предприниматели для них или, в лучшем случае, мелкие жулики, хапуги и спекулянты, или кровопийцы и бандиты…

Вспомнилось, что в день получения задания по этой статье они с женой были у деда и тот обещал помочь, рассказать, что творилось в Берлине в последние дни войны… И не успел.

Взгляд опять упал на конверт, на котором дрожащим старческим почерком было написано: «Дм. Азарову».

Это был один из его псевдонимов. Назаров – это просто, примитивно, грубо. А убери первую букву – и уже некое благородство, аромат прошлого века…

Дмитрий потянулся за конвертом. … Внутри была лишь тонкая ученическая тетрадка с текстом, написанным, очевидно, в последние дни… или даже в последние часы жизни Виктора Петровича Бражникова…

«Это был конец апреля. Мы воевали уже в самом центре Берлина.

В эти дни никто и не собирался отдыхать. Но всему бывает предел. К ночи мы с полковником Горюновым разместили своих людей в огромном здании, которое еще недавно было каким-то музеем.

Наверху все еще шел бой, а мы спустились вниз, в подвалы.

Тишины не было даже здесь, в этих мрачных подземельях с мощными перекрытиями и метровыми стенами старинного фундамента. Но полностью звуки боя сюда не доходили. Не было слышно грохота рушащихся зданий, автоматной стрельбы и криков, возгласов азарта, ярости и боли.

Здесь были слышны только отдельные, самые близкие взрывы. И невозможно определить, с какой стороны ухнул снаряд. Просто вздрагивало все здание и земля под ним. Начинала скрипеть старинная мебель и ящики, расставленные вдоль стен. Раскачивались бесполезные люстры под высокими сводчатыми потолками…

В некоторых подвалах были свалены скульптуры и картины в золотых рамках, для которых не успели еще сколотить ящики. Очевидно весь музей переместился недавно сюда.

Проверив посты и решив вопросы со связью, мы стали искать место для себя… Винтовая лестница привела нас в полуподвальный хорошо обставленный кабинет. Здесь было все, что нам нужно: два мягких дивана, керосиновая лампа, кое-что из посуды… Пришлось только перетащить в соседнюю комнату два трупа в черной офицерской форме. Не то, что бы они помешали нам спать, но все же…

Я сразу завалился на диван, а Горюнов пошуровал в той комнате и принес оттуда чемодан с ремнями и медным немецким орлом на боку. Он долго колотил прикладом автомата по замкам. Потом со злостью саданул по орлу, отколов ему одно крыло… Все это я видел как в тумане. Уже засыпая, я заметил, что он сорвал все же замки и на стол высыпались побрякушки, миниатюры, табакерки, шкатулки… Очевидно, что кто-то собрал в этот чемодан все самое ценное из музея. И может быть те двое, что лежали в соседней комнате, должны были вывезти все это в Париж, в Швейцарию или в Парагвай…

Утром мы крупно поговорили с Горюновым, когда я увидел, что он уже упаковал чемодан в сорванную с окна штору и перевязал телефонным проводом. На мои возгласы об офицерской чести он ответил: «Мы победители, Виктор. Они нас четыре года грабили. И неужели я, трижды раненый, не могу в Москву военный трофей привезти?»

В то утро не до споров было. В километре от нас маячили Бранденбургские ворота… А еще через час в развалинах соседнего дома меня так тряхануло, что очнулся я лишь в госпитале под Москвой.

Через месяц я совсем оклемался. И даже написал в особый отдел бумагу о том эпизоде с чемоданом. И отправил бы ее. Но в тот день к нам привезли долечиваться лейтенанта из нашего полка. Его подстрелили уже в Праге.

Он и рассказал обо всем, что произошло со мной… Очень глупо получилось. Мальчишка – фаустник стрелял по танку с противоположной стороны улицы, но промахнулся и снаряд угодил в обломок стены, за которым сидел я… Потом он сказал, что полковник горюнов прямо под огнем выскочил на середину Унтер ден Линден, остановил один из танков, рвавшихся к Рейхстагу и, уложив меня на броню, приказал развернуться и лететь в медсанбат.

Получалось, что Горюнов спас мне жизнь… Донос свой на него я не стал рвать. Я его сжег…

Последний раз я видел Горюнова уже в семьдесят пятом. Он был совсем плох. Понимая, что я все помню и что видимся мы в последний раз, он упомянул и о чемодане с однокрылым орлом: «Богаче от него я не стал. Валяется он на антресолях, место занимает. Ско-

рее всего – дочери передам. Но им ни за что не возвращу. Лучше все в Клязьму выбросить, чем им…»

Вот такая история, Дмитрий. Вот тебе и возвращенные ценности. Это живой материал для твоей статьи.

Кстати, я знаю, что в квартире Горюнова живет его дочь Нина Ивановна. Она одинока. Поговори с ней. Вот ее телефон и адрес…»

Дмитрий посмотрел на дату в конце этого большого письма – это был день смерти Виктора Петровича.

Вкладывая тетрадку в конверт, он заметил, что руки у него дрожат. А что, собственно говоря, произошло? Дед дал дополнительную информацию к статье. Свидетельство ветерана. Обязательно надо использовать… Но можно не упоминать эту старушку с ее чемоданом. А вот встретиться с ней необходимо.

Азаров потянулся к трубке и вдруг перед его глазами всплыло лицо антиквара Фридмана. Недавно они встречались в его квартире на Арбате… Этот старик, отсидевший по валютной статье еще в брежневские времена, и сейчас, должно быть, промышляет такими вещами… Интересно, сколько бы он дал за этот чемодан?..

Да что Фридман? Найти сейчас покупателя на такие вещи – раз плюнуть…

Набрав номер, Дима глубоко вдохнул и заставил себя улыбнуться – со старушками надо говорить ласково, доброжелательно. Они это любят.

– Добрый вам вечер, Нина Ивановна. Я журналист из газеты «Актив»… Да, нас пока мало кто знает. Я пишу статью о реституции… Это я при встрече вам объясню. Мне надо обязательно с вами поговорить – это задание редакции… А завтра?.. Может быть послезавтра?.. Хорошо, я буду у вас в субботу двадцать пятого. В десять утра… Фотографировать? Да, возможно буду и фотографировать. Всего вам доброго, Нина Ивановна. Будьте здоровы.

* * *

Тот, у кого нет дачи, мечтает ее купить, а у кого она есть – не знает, как от нее избавиться… Прошептав эту мудрую мысль, Савенков вздохнул и с силой надавил на лопату. Теперь по всем правилам надо было наклониться и, разворошив ком земли, вытащить вредительский корень одуванчика. Огромный, сочный белый корень, который ни в коем случае нельзя разрубить и оставить в земле – из каждого кусочка появятся новые враги…

Этот участок земли Савенков приобрел несколько лет назад. Тогда, когда казалось, что на лучшее денег не хватит.

Сама земля вполне хорошая. И от Москвы близко. Но большинство соседей было из местных. Они распахали свои наделы под картофельные грядки и на том остановились. Дорога им нужна была дважды в год – завезти весной навоз, а осенью убрать мешки с урожаем… Водопровод – желательно, но если бесплатно. А электричество – это вообще буржуйская забава.

Так думало большинство, но далеко не все. На огромном поле садоводческого товарищества строились и солидные дачные дома. На этих смельчаков можно было смотреть и как на первооткрывателей, прорывающих окружение огородов и пустырей. Но вечерами, когда в их окнах чуть заметно мерцали свечи, эти брусовые, срубовые и щитовые хоромы выглядели жалко…

Сейчас у Савенкова появились деньги. Дела в детективном агентстве «Сова», которое он возглавлял, шли более чем успешно. И он мог бы сменить месть, купив домик со всеми благами цивилизации. Пусть не коттедж на Рублевке, но нечто, где есть выключатели на стене и теплый туалет. И где машина не застрянет в вязкой колдобине за сто метров от дома.

Сменить-то можно, но… Когда на семейном совете этот вопрос встал ребром, его пришлось сразу же не закрыть. Все сразу поняли, что в этих кустиках сирени, в этих молодых яблоньках, во всей этой земле часть их души. А это не продается…

Савенков закинул в ведро очередной корень одуванчика и переместился на новый участок борьбы с сорняками, поближе к соседскому забору. Совсем недавно за ним был пустырь, шесть соток бурьяна. Но три месяца назад там впервые появилась хозяйка – миловидная маленькая Нина Ивановна.

Возраст позволял уже назвать ее старушкой, но действовала она неожиданно энергично. Через месяц на участке уже стоял маленький домик, появились кусты и начал зеленеть скромный газон. А недавно пять внезапно появившихся ребят азиатской национальности за неделю построили за домом нечто непонятное.

Это сооружение Савенков сразу же обозвал бункером. Толстые стены в два кирпича, бетонная плита вместо крыши, стальная дверь с гаражным замком… Понятно, если бы туда помещался автомобиль. Но строить такое для мотоцикла? И зачем старушке мотоцикл?

Кроме того, вся эта кирпичная коробка была чуть заглублена и почти до самой крыши засыпана землей. Почти как погреб. Но не погреб. Да и зачем он ей? Картошку она явно сажать не собирается… Одним словом – бункер.

Проще всего было спросить саму Нину Ивановну. Она почти постоянно копалась на своем участке. И всегда одна. Но Савенков не искал легких путей. Уж если он, раскрутивший столько сложных дел, сам не сможет разгадать назначение каменного короба – грош ему цена. Никакой он тогда не детектив, а рядовой копатель одуванчиков…

Савенков продолжил бесконечную битву с сорняками. На этот раз он крушил их около калитки, которая выходила на участок Нины Ивановны. Он сделал ее давно – через пустырь было ближе ходить за водой. Но последние три месяца калитка была наглухо закрыта.

Еще раз, взглянув на бункер и на работавшую рядом Нину Ивановну, Савенков окликнул ее:

– Дорогая соседушка! Что, если нам открыть сегодня эту калитку? Есть повод. Сегодня у нас застолье. Вечером друзья обещали заскочить. Так что – приглашаю вас на шашлык. И никаких возражений. Соседи должны жить в любви и согласии…

Дачную вечеринку организовать проще, чем банкет в городской квартире. Здесь допустима и одноразовая посуда, и стол без скатерти, и дымящаяся картошка «в мундире». Главное – близость к природе и соблазнительный дым от мангала… Трудно найти человека, которого не манил бы запах шашлыка. Этот аромат наверняка записан в нашем генетическом коде, как символ отдыха, благополучия, счастья. За сотни тысяч лет это впечаталось в подкорку: если горит костер и над ним шкворчат куски мамонтового мяса – значит, все будет хорошо, будет тепло, сытно и безопасно…

Гости запоздали. Кроме того, Дибич привез всех на своей служебной машине и заявил, что «у него всего два часа».

Но два часа – это тоже время. Особенно, если его не тратить зря. Первым это понял Павленко, под напором которого все моментально оказались за столом, а он приступил к роли тамады.

Тосты были не очень оригинальными, но зато почти безостановочными.

Первый пластиковый стаканчик он поднял за милую соседку… Потом последовательно за жен всех присутствующих… Потом за «Сову», которая уже дважды спасла его от врагов… За Савенкова, мудрого как Холмс, беспощадного как Жеглов и доброго как Шарапов… За Дибича, число звезд, на генеральских погонах которого, должно удваиваться ежегодно… За природу, за каждую яблоню, за уютный дом…

До машины Павленко дошел сам. И таким уверенным шагом, что Савенков несколько смутился – не в русских традициях выпускать из-за стола совершенно трезвых гостей…

Черная «Волга» медленно приплыла по колдобинам и скрылась за поворотом… Жена Савенкова вернулась к грядкам, а он, оставшись наедине с Ниной Ивановной, планировал разговорить ее, молчавшую весь вечер. Этот ее бункер не давал ему покоя.

Но разговор Нина Ивановна начала сама:

– Славные у вас друзья, Игорь Михайлович.

– Да… Друзья с сорокалетним стажем.

– Школьные?

– Да, Нина Ивановна.

– Это редко бывает… Я только в кино такое видела. Помните, они еще по реке на плоту плавали. И тоже трое.

– Хорошая мысль. Нам на плоту что ли сплавать? Я им предложу.

– У вас не получится. Работаете вы много. Вот ваш генерал всего-то на два часа и смог вырваться. А он настоящий генерал?

– Настоящий, Нина Ивановна. Почти настоящий. Он милицейский генерал.

– С Петровки?

– Верно.

– Хороший он, веселый. И жена у него добрая. А вот у Павленко она… суровая. И ревнивая. Когда он про меня тост говорил, она так на него зыркнула…

– Проницательная вы, Нина Ивановна. Екатерина действительно Отелло в юбке. Павленко только ее и боится… Вы прямо готовый сыщик. Не взять ли мне вас к себе на работу?

– А вы сыщик?

– Вроде того… Вы же слышали тут за столом о «Сове» разговор был. Детективное агентство. А Павленко его основатель. Спонсор.

– Он очень богатый?

– Да, не бедный. Он, Нина Ивановна, бизнесмен. По строительной части.

– Понятно… А вы, стало быть, сыщик… Это мне подходит… Вы, Игорь, говорите, что я проницательная? А я заметила, как часто вы на мой сейф поглядываете. Заинтересовались?

– Сейф?

– Да… А как вы его для себя назвали? Чулан? Склад? Бункер?

Савенков заметно смутился. Он планировал совсем другой разговор. Ловкая старушка. Пока не он, а она «выкачивает» информацию. Очень методично и ненавязчиво… И со словом «бункер» она в точку попала.

– Верно, Нина Ивановна, заинтересовался. Уж очень необычное сооружение… Этот ваш сейф.

– Дальше будет еще интересней… Я хочу показать вам сейф. Мне так надо… Я почему-то доверяю вам… И вашим друзьям…

Солнце зашло, но было еще достаточно светло… Они прошли через калитку, возле которой сегодня утром Савенков воевал с одуванчиками… Пересекли молодой, пушистый газон и оказались перед входом в бункер. Нина Ивановна извлекла из сумочки огромный ключ гаражного замка, открыла тяжелую дверь и сразу же включила два фонарика, которые были прикреплены к стене и светили в белый потолок…

На задней стенке пятиметровой камеры из простых досок был сбит стеллаж. На нем аккуратно размещались обычные картонные коробки разного размера, а в центре, прямо перед глазами стоял чемодан. Черный, кожаный, перетянутый ремнями. Необычным было то, что на его пузатом боку крепился большой, с ладонь медный орел… Одноголовый и однокрылый…

– Вот это, Игорь, мои сокровища… В коробках – так, ерунда вещи ценные, но исключительно для меня… Здесь вот магнитофон «Айдас». Он давно уже не работает, но под него я сорок лет назад танцевала с человеком, который мог бы быть моим мужем… Лирика это. Старческие воспоминания. Но выбросить не могу… А вот в чемодане… Там действительно ценные вещи. Ценные, но не мои… Я не очень религиозный человек, Игорь, но я не хочу уходить, не вернув этот долг.

– Нина Ивановна… Вы просто вынуждаете меня выдать букет комплиментов… Мы с вами еще лет тридцать будем соседствовать и рядышком сорняки полоть.

– Я не об этом, Игорь. Не о здоровье… Я теперь другого боюсь. Уж очень много людей вдруг вспомнили об этом чемодане.

– А что в нем?

– Ценности. Большие ценности. Очень большие… Он, как вы видите, немецкий.

– Трофейный?

– Можно и так сказать? Но можно и по-другому… Сейчас об этом много говорят. Перемещенные ценности, конфискованные, украденные… Я хотела все это вернуть. Написать дарственную и просто отнести в их посольство. Но Никита Сергеевич сказал, что так делать нельзя. Что может быть международный скандал.

– Кто такой Никита Сергеевич?

– Это юрист. Я к нему обратилась с просьбой нужную бумагу составить.

– Он видел, что там внутри?

– Конечно, Игорь. Он даже опись составил и фотографии сделал. И сказал, что пока это надо держать у себя и никому не говорить… Потом он еще сказал, что здесь столько всего, что я могла бы купить особняк во Флориде и сто лет в богатстве купаться… Я эти описи однажды чуть не потеряла. Целый день искала. Потом в магазин пошла. Прихожу домой. а они лежат себе прямо на столе. На самом видном месте.

– Понятно, Нина Ивановна… Но вы сказали, что много людей об этом чемодане вспомнили.

– Не очень много, но… Племянник стал приставать, чтоб я все это продала. Шалопай он у меня. Занялся продажей автомобилей. Из Амстердама их пригоняет. Я знаю, что это самый страшный город. Там все продается. Возможно, оттого и долги у него какие-то появились…

– Понятно… А кто еще интересовался вашим чемоданом.

– Еще сосед просил денег на новую квартиру.

– А сосед-то, откуда знает?

– Он не совсем сосед. Он мне почти как муж был. Мы с ним несколько лет вместе жили. Пока он был свободен…

– Он что – сидел?

– Нет, Игорь, что вы. Избави бог. Он очень порядочный человек. Просто он был три раза женат. Официально женат, а в перерывах… Чемодан я ему показала очень давно. Тогда еще мой отец был жив.

– С соседом вашим все понятно. Но зачем это ему сейчас новая квартира понадобилась.

– Он жениться собрался. Говорит, что нашел ту, что искал всю жизнь. А без квартиры она не соглашается…

– А вы, Нина Ивановна, решили чемодан на даче спрятать? От греха подальше, так?

– Да. Я этот участок тайно купила. Никто не знает… А ключ от этого сейфа я вам, Игорь, оставлю. На всякий случай.

– Хорошо… Но я не так часто здесь бываю. Теперь мы с вами только в субботу увидимся.

– Нет, Игорь. В субботу меня здесь не будет. Как раз двадцать пятого числа ко мне должен приехать журналист Дима Азаров. Он сказал, что я очень ему нужна. Он для газеты научную статью готовит о какой-то… реституции. Вы, Игорь, не знаете, что это такое?

– Знаю, Нина Ивановна. Это означает… возврат ценностей, захваченных в ходе войны.

Глава 2

Он прилетал в Амстердам шестой раз. Это уже не волновало. Думалось только о деле. Работа есть работа. Правда, в этот приезд он попытается решить еще один вопрос. Главный, который должен вывести его из финансового кризиса.

Ефим Уколов даже улыбнулся, оценив пришедшую к нему в голову столь обтекаемую формулировку. Кризис… Для алкаша – это хроническая нехватка денег на бутылку. Для банкира – отсутствие десятка миллионов. А для него, случайно врубившегося в этот бизнес, всего-то тридцать тысяч баксов… Когда он их брал, то был уверен, что быстро их «прокрутит», что через два-три месяца он удвоит сумму и, возвратив долг, спокойно начнет свое дело…

Смешная фраза – крутить деньги. Ее знает вся страна, но мало кто представляет, как это делается. Многим чудится некое колесо, куда, как белку, запускают деньги. Потом оно долго вращается с дикой скоростью. Останавливаем его – а там уже две белки…

Того, что осталось у Ефима после его прокрутки хватило чтоб снять стресс в первый день… Все правильно. Все подчиняется общему закону сохранения денег в природе. Если двое крутят одинаковую сумму и у одного она удвоилась, то у другого…

И еще один прокол был в этой истории – не у того взял в долг… Гера не был лохом. Деньги дал при свидетелях с бритыми затылками. Бумажку взял по всей форме.

Тогда, в восторге от легкого получения крупной суммы, Ефим не обратил на это внимание. Но последние дни он начал понимать, что Гера знал все заранее. Знал, что он покупает на эти деньги.

Уже пять дней Ефим Уколов сидел «на счетчике». Через месяц его долг превратится в тридцать пять тысяч, через два – в сорок. Что остается делать?

На этот раз он будет перегонять в Москву не обычную старенькую иномарку, купленную по цене металлолома, а почти новый «Мерседес». Наверняка – ворованный, с фальшивыми номерами и липовыми документами. Пригоняет и счетчик останавливается. Доставляет еще один – нет трети долга… Четыре ходки и он свободен. Такая вот прокрутка получилась…

Ефим был уверен, что в аэропорту его встретит Семен Чернис. Но это никак не связано с автомобильными делами. Семен Давидович совсем из другой компании… Смешной парнишка. Романтик. Ему еще и тридцати нет, а всю Европу знает как свои пять пальцев. Уже пять лет колесит по столицам Старого Света…

Семен Чернис старался забыть некоторые детали своего переезда на Запад. Без этих мелочей все было очень красиво – исполнение детской мечты. Но и мечта требует денег… Тогда, за месяц до прощания с родиной, Семен приобрел готовую фирму и под нее смонтировал кучу липовых документов: договор о поставке из Германии пяти вагонов спирта в бутылках, согласование с таможней, телеграмму МПС о возможном хранении товара на их складах. Одним словом, все те, к кому потом приходил Семен, ни на минуту не сомневались, что спирт этот реально существует… За три недели он успел собрать почти четверть миллиона долларов. А к концу четвертой недели, именно в день «прибытия вагонов в Москву» он уже улетал в Париж…

Они познакомились случайно. Здесь, в Амстердаме, рядом с ювелирной фабрикой «Даймонд». Ефим, услышав русскую речь, машинально подошел к группе туристов. Для Семена же это было почти ежедневное занятие. С какого-то момента это стало для него наркотиком – хоть десять минут потолкаться среди своих. Среди бывших своих.

Когда группа нырнула внутрь огромного красного здания, предвкушая возможность обменять привезенную с родины валюту на «бриллианты из Амстердама», Семен и Ефим остались одни и, переглянувшись, протянули друг другу руки.

Весь вечер Сема Чернис водил нового друга по кабакам. А в полночь повел в квартал Красных фонарей.

Они действительно чувствовали себя старыми друзьями. Особенно Семен, который все эти годы, довольно свободно общаясь со всякими голландцами и шведами, всегда чувствовал дистанцию. Вероятно, в каждом человеке, как в военном самолете, заложена система «свой – чужой». Ты можешь общаться с какой-нибудь амстердамкой или жителем Брюсселя, выпивать с ними, улыбаться, а прибор в твоей черепушке все время будет сигналить: чужой, чужой, чужой…

В Москве Семен Чернис был чистокровным евреем. А здесь, вдали от Садового кольца любой рязанский парень был для него ближе, чем парижский иудей.

В первый же вечер Ефим сообщил Семену, что когда-нибудь он будет очень богатым и скупит все эти амстердамские кабаки… и все эти «Красные фонари» будут светить только для них.

– Ты представь, Семен, у тетки чемодан добра, а я единственный наследник. Чемодан! И не мелочь, не кольца и серьги. Крупные вещи. Букет с камнями. Что-то вроде короны…

– Диадема?

– Может быть… Но очень красиво. И все блестит.

– А это не стекляшки из Чехословакии? Был в Москве магазин «Власта», так там на одну зарплату можно было как раз чемодан этих побрякушек купить.

– Обижаешь, Семен! Я не лох какой-нибудь. Я с лупой на них смотрел. Пробы, нечеты – все прошлый век.

– И откуда твоя тетка все это взяла? Она что – бывшая графиня?

– Нет, Семен. Она честнейший человек. Нина Ивановна никогда бы… Я думаю, что это дед с фронта привез. На том чемодане еще медный орел был. Вроде немецкого…

– Значит это военный трофей? Контрибуция?

– Никакая это не контрибуция. Это просто фронтовой сувенир.

– Допустим, Фима, ты и прав. Это такой сувенир на миллион долларов. Но зачем ты хочешь ждать пока станешь наследником… естественным образом? А если твоя тетка долгожитель? Нет, я не предлагаю ей помочь. Но можно же уговорить ее продать этот клад… Ты сам продашь, а сумму ей назовешь несколько меньшую. В десять раз. И все будут довольны.

– Думал я об этом. Я, Семен, как узнал о ее чемодане, такой с ней ласковый стал, что самому противно… Ну, уговорю я ее, а кому продавать? В Москве обязательно грабанут или надуют. Жулик на жулике сидит. Никому верить нельзя.

– Согласен… Есть у меня, Фима, нужный для тебя человек. Исключительная честность. Столько дел провернул и ни разу не попался…

На следующий день они уже были в ювелирном магазине Леонида Марковича Геймана. В его кабинете на втором этаже, откуда через небольшие окошки был виден весь торговый зал.

Ефим именно так и представлял себе амстердамского ювелира: черный костюм с закругленными полами пиджака, пышный галстук-бабочка, над которым – круглое спокойное лицо с толстыми очками и сверкающая лысина…

За двадцать пять лет амстердамской жизни Гейман не забыл русский язык и даже не приобрел импортного акцента. Он уехал из Москвы вместе с родителями. Тогда покинуть навсегда великий и могучий Союз можно было лишь по израильской визе. Но в Вене, где у них была пересадка, он заявил отцу, что предпочитает делать свой бизнес в спокойной Европе, а не драться с этими сумасшедшими арабами… И он оказался прав: через пять лет

в Хайфе от шальной пули погибла мать. Через год умер и отец – горе и жара доконали его больное сердце…

А Леонид Маркович процветал, упорно поднимаясь по ступенькам благополучия. Сейчас он уже совершенно не был склонен рисковать. Зачем ему нужны эти заморочки с опухшим племянником и чемоданом его тетки? Или Семен Чернис не знает, куда он приводит новых людей? Он что, совсем идиот?

– Вот так, уважаемый Ефим Степанович. В этом деле я вам помочь не могу… Привозите товар – я возможно его куплю. Пока я не вижу, о чем разговаривать. Я не ясновидящий. Это могут быть и стоящие вещи, а может быть и барахло.

– А если я их фотографии привезу?

– Привозите… Но и тогда я вам все не скажу. Мне надо в руках вещь подержать. В лупу поглядеть. Пощупать, понюхать, лизнуть в конце концов. Я ясно выражаюсь, молодой человек?

– Я вас понял, Леонид Маркович. Скоро я еще раз приеду и привезу что-нибудь… Но я очень на вас надеюсь.

– Очень правильно, молодой человек. Надейтесь! Для вашего возраста это самое главное…

Эта первая встреча с ювелиром придала Ефиму чувство уверенности. Он стал действовать лихо и нахально. Именно тогда он взял деньги у Геры и так бесшабашно их растратил…

Добыть фотографии чемоданных ценностей оказалось проще, чем он предполагал. Тетка целыми днями пропадала на даче у какой-то подруги, а ключи от квартиры у него были. Но когда Ефим запасся фототехникой и приготовился к долгой нудной работе, он вдруг обнаружил, что кто-то уже проделал все за него. На столе были разбросаны цветные фотографии, а в пакете лежали негативы, список того, что на снимках и документ на бланке какого-то юриста.

К вечеру Ефим сделал по два экземпляра фотографий и отксерокопировал документы. До приезда Нины Ивановны успел вернуть все на место. Он же не вор…

При второй встрече с ювелиром Ефим Уколов заметил, что тот очень заинтересовался. Особенно внимательно Гейман изучал список – там было то, чего нельзя было различить на фотографиях: описание проб и клейм.

– Любопытно, молодой человек. Возможно, это и стоит больших денег. Но кто вам их даст? Я вам их не дам. Поищите другого идиота… Это все краденые вещи. Я даже догадываюсь откуда… Ладно, если бы это знали только вы и я. Но я и предположить не могу, кто еще пасет эти вещицы.

– Никто!

– Да? А список… Или вы меня за дурака имеете? Этот список писал знающий человек. Кто угодно. Но не ваша тетя… Хорошо, молодой человек, вы оставляете эти картинки, а через две недели я вам скажу да или нет. И если да, то где, как и сколько. Я тоже живой человек. Мне надо все спокойно обдумать…

Сейчас прошло ровно две недели… Уже на выходе из аэропорта Ефим услышал топот за спиной. Он обернулся и сразу же попал в объятия Семена Черниса. Тот, ни слова не говоря, потащил приятеля к машине.

– Значит так, Фима, к ювелиру мы не едем. Леонид Маркович решил соблюдать конспирацию… Но ты не переживай. Все в порядке! Я сам все решил… Значит так – привозишь чемодан, передаешь его мне и сразу получаешь сто тысяч. И я даже комиссионных с тебя не возьму. Так, дружеская услуга.

– Здорово! Сто тысяч – хорошие деньги… Правда, я думал, что там больше.

– Конечно, больше. В два или в три раза. Но Гейман больше не даст. И никто больше не даст. Здесь все до противности законопослушные… Гейман, этот лысый хорек, так прямо и сказал: «Я единственный, кто из-за вас свою шею подставляю. Вам – привез и убежал. А мне эти камушки дальше продвигать. Можно и влипнуть». И он, Фима, прав. Так что, уговаривай свою тетку и вези.

– Вези… Самолетом не повезешь. Просветят – и на таможню.

– А ты машиной. Машины не просвечивают.

– Машиной тоже страшно. Через три границы ехать.

– Страшно? Ладно – плачу тебе не сто, а сто пятьдесят тысяч. Гейман заплатит. Я его уломаю. А ты тетку свою уламывай.

– С этим еще сложнее… Я вам не сказал прошлый раз. Тот список юрист составлял. Так моя Нина Ивановна просила его оформить передачу всего немцам. Возвратить им хочет.

– Как это возвратить?

– Просила юриста дарственную на посольство составить.

– У нее с головой все в порядке?

– Не жаловалась… Только я думаю, Семен, что трудно будет ее уговорить.

– Да, дара убеждения у тебя нет… Ты, Фима, дай мне телефончик этой старушки. Вдруг я в Москву поеду – подключусь к уговорам… Ты когда назад собираешься?

– Дней через пять…

– Перед отъездом найди меня. Обязательно найди. За пять дней я что-нибудь придумаю.

Самое страшное осталось позади. Теперь он ехал по своей земле. Правда, это еще Белоруссия, но границ впереди уже не будет…

За Минском дорога началась отличная. «Мерседес» летел вперед, убаюкивая плавным покачиванием… Вечером машин было мало, можно расслабиться после почти бессонной ночи на польской границе. Ефим даже позволял себе на несколько секунд закрыть глаза и подремать, если впереди была ровная, свободная от машин дорога…

Этот трактор с прицепом он заметил еще за километр. Старенький колесный «Беларусь» медленно двигался в правом ряду… Когда Ефим открыл глаза, тормозить было уже поздно. Не спасал и поворот влево – прицеп с молочными бидонами перегородил всю дорогу. Тракторист, найдя пробел между столбиками ограждения, пытался протиснуть туда свой транспорт, выводя его поближе к родным полям.

Ефим рванул руль вправо и, сшибая столбики, грохнулся в кювет… Сознание не отключилось ни на секунду… Вот после резкого торможения он втиснулся в привязанные ремни… Вот после первого сбитого столбика сработала подушка безопасности, сжав его со всех сторон… Второй…

То, что осталось от «Мерседеса», замерло у колес трактора, который успел к этому времени рывком освободиться от прицепа, завалив его вместе с бидонами на обочину.

– Эй, мужик, живой? Как же тебя тут зажало… Хорошо, мягкое все. Ты отстегни ремни, а я тебя через окошко вытяну… Чего не тормозил? Заснул? Я однажды заснул, так стену сарая протаранил. Точно! Глаза продрал – я под крышей, мотор заглох, а вокруг козы… Ну, если с тобой все в порядке – я поехал. Менты сейчас понаедут, хлопот не оберешься.

– Постой, парень. Мне тоже не с руки с ментами встречаться. Ты зацепи это железо и оттащи его за кусты. Там можешь разобрать на запчасти к своему стальному коню.

– И колеса можно снять?

– Все снимай… Я только сумку из багажника возьму… Тут все в гармошку смяло. Дай кувалду или ломик…

Удивительно, но он сразу поймал попутку до Москвы. Правда, это был «КАМАЗ» с двумя водителями. И в первый момент тот, что лежал на полке за сиденьями, поигрывал в руках монтировкой. Так, на всякий случай…

Это хорошо, что их двое. Значит, будут ехать всю ночь… «Мерседес» надо предать Гере в понедельник. А тут он будет в Москве в Субботу, двадцать пятого числа… Хорошо бы пораньше. Пока Нина Ивановна не уехала на дачу… С Герой лучше не встречаться. Теперь долг удвоился. Или утроился? Такая машина и на полтинник могла потянуть… Теперь – или бежать из Москвы, или добыть чемодан. Он достанет его. Уговорит старуху. На коленях будет просить. Требовать будет. Угрожать, если надо… Только бы застать ее дома…

* * *

Двадцать пятого, в субботу Савенков был на даче. Он знал, что соседка сегодня не приедет, но все время поглядывал на ее участок… Доверчивая, однако, старушка. Почти с первого знакомства и о сокровищах рассказала, и даже ключ отдала… Это ее Павленко к себе расположил. Он до сих пор считает, что никакая женщина перед ним не устоит… И Дибич вызывает доверие. Действующий генерал. Это вам не какой-нибудь полковник запаса… Но и у меня физиономия располагающая. Жена всегда говорили, что влюбилась в меня из-за глаз. Они честные и добрые…

Нина Ивановна не появилась и в воскресенье… Савенков почти не волновался по этому поводу. Он всегда прислушивался к своей интуиции, но на этот раз она молчала. Вернее, подбрасывала успокоительные версии. Десятки причин могли задержать старушку – приболела, подруга пригласила в гости или заявился племянник с невестой…

Вечером Савенков позвонил Нине Ивановне, но телефон молчал. Интуиция и тут пыталась его успокоить, но он ей уже не верил.

Детективное агентство «Сова» переживало мертвый сезон. Это был первый случай за два года работы. И если раньше все мечтали о таком периоде, то сейчас после недели вынужденного безделья все в офисе стали ныть… Добросовестный Ермолов просто попросился в отпуск, хотя планировал его на сентябрь… Варвара принялась доводить до ума кухню: шить новые шторы, красить подоконник, перемывать и без того чистую посуду… Олег Крылов изучал компьютер, сражаясь с ним в шахматы…

Каждое утро сотрудники встречали Савенкова вопросительными взглядами, но заявок не было. Все клиенты как повымерли. Вернее, все они были живы, очень здоровы и слишком счастливы. Но за спокойную жизнь детективам не платят. Они становятся нужны в совершенно других случаях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.